

Песни о набегах, называемые иногда «песнями дедов», рассказывают о вторжениях лакцев и других дагестанцев в Грузию с целью захвата имущества и рабов, что особенно участилось при грузинском царе Ираклии II; в песнях старики протестуют против таких набегов, боясь за жизнь своих детей. Отражен в этих песнях и старинный общегорский обычай: если головной убор горянки брошен среди сражающихся врагов, бой немедленно прекращается.

Антифеодальные песни XVI—XVII вв. про Магди, кумухского Саэда, «Султана из Хуна», «Батира Хучулава» и др. рассматриваются автором с обстоятельным обоснованием исторических причин зарождения этих песен. В них звучит непримиримая ненависть к феодалам и решимость покончить не только с ними, но и с их потомством, например в песне о сожжении двух сыновей Нуцала (см. стр. 131). В песне про Бук-Магомеда, одного из военачальников Шамиля, рассказывается о гибели его в бою с Аргутинским. В песне о Давди, относящейся к XIX в., описывается, как он был отравлен по приказу безжалостного лакского хана Агалара.

В главе о народных певцах указывается, что они исполняют под аккомпанемент национальных музыкальных инструментов не только традиционные песни, но и песни, сложенные ими самими.

Важно утверждение автора, что «ислам не сумел убить народную песню, которая развивалась вопреки всяческому запрету» (стр. 8). К сожалению, в книге не рассмотрена обрядовая поэзия. Даже там, где упоминается о наличии у дагестанцев (следовательно, и у лаков) праздника «выхода плуга» (стр. 5), не дано его описания и не приведено связанных с этим праздником обрядовых песен. Для сравнительного анализа устного творчества горцев на этой проблеме также полезно было бы остановиться.

Х. М. Халилов пишет, что при анализе народного песенного творчества он отбирал «все то, что выражает народное трудовое прогрессивное мировоззрение», и поясняет свою мысль следующими словами: «Нам дороги песни, отразившие образ труженика и труженицы» (стр. 14). Но вследствие такого подхода в рецензируемой книге и выпало исследование обрядовых песен (например, песен при засухе). Лакский фольклор вообще представлен несколько односторонне. Автором опущены, без всякой мотивировки, многие жанры песен: рабочие, охотничьи, плясовые, детские и пр.

Следовало бы сказать в книге и о том, как стихи лакских поэтов-профессионалов превратились в массовые народные песни. Недостаточно четок принцип деления песен на группы. Разве, например, в группу песен о социальной жизни народа не входят песни о неволе?

Работа издана на русском языке, следовательно, рассчитана преимущественно на русского читателя. А раз это так, то следовало бы дать первыми не лакские тексты песен, а русский перевод их, притом, в интересах науки, был бы желателен, кроме поэтического перевода, и подстрочник. Необходимо было бы дать точный перевод и всех заглавий песен и пояснения лакских слов и выражений, оставшихся непереуверенными (например, *годекан*, *чагана*, *бисмиллаг*, *салават*) или переведенных малопонятно: «*хозяин головы*» (стр. 29), «*серебряная грудь*» (стр. 33) — название традиционного нагрудного украшения женщин.

Можно пожелать, чтобы издание книги «Лакский фольклор» явилось стимулом к появлению исследований о песнях различных горцев Кавказа.

Б. Алборов

М. Н. Насирли. *Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР*, 1959, 140 стр.

Нахичеванская АССР в этнографическом отношении представляет собой наименее изученную часть Азербайджана. Специальных исследований, посвященных материальной и духовной культуре местного населения, не имеется. Исключением является труд И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи», имеющий к тому же лишь косвенное отношение к данному краю, да несколько более частных описаний отдельных городов и селений, выполненных преимущественно в дореволюционное время. Работа М. Н. Насирли — первая попытка более полного описания одной из сторон материальной культуры — народного жилища и сельских поселений, — имеющая целью восполнить существующий пробел в наших сведениях об этнографии республики.

Рецензируемая книга состоит из небольшого введения, трех глав и заключения. Во введении излагаются задачи и цели работы и отмечается актуальность разрабатываемой темы для истории Азербайджана и современной практики жилищного строительства в республике. В первой главе дается краткий географический и исторический обзор Нахичеванской АССР, приводятся данные о ее территории, границах, населении, политико-административном устройстве. Во второй главе рассматриваются поселения края. Описываются климат и рельеф страны, отразившиеся на характере и типе сельских поселений, подробно излагается история заселения территории республики, рассматриваются социальные и производственные отношения населения в средние века и в XIX в. Большое внимание уделено в главе вопросам планировки поселений и усадеб, причем

автор вносит излишне дробные элементы систематизации. Эти разделы иллюстрированы планами и чертежами.

В третьей, основной, главе книги рассматриваются крестьянское жилище, быт, обычаи, связанные со строительством жилищ, строительные материалы, и, наконец, народные способы возведения построек и т. п. По литературным источникам, а также по народным материалам памятникам прошлого, сохранившимся до настоящего времени, автор реконструирует архаические типы жилья — полуподземный карадам (жилище с ступенчато-пирамидальной кровлей, покоящейся на четырех столбах) и наземный лучший дом с плоской земляной крышей, перечисляет формы жилища кочевников. Вместе с тем автор проводит детальное подразделение современного крестьянского жилища — двух-, трехраздельного саманного или каменного дома — в зависимости от ровки, устройства интерьера, расположения на участке двора и т. д. на большое количество видов и разновидностей. Более бегло говорится о хозяйственно-бытовых постройках, особенно о ремесленно-производственных и культурно-просветительных. В заключение книги автор отмечает почти полное тождество жилища азербайджанцев, населения республики, с жилищем национальных меньшинств края — армян и курдов, по его мнению, обусловлено длительным совместным проживанием всех этих народов и сходными чертами их культуры и быта.

Современное сельское поселение и жилище Нахичеванской АССР, отмечает Насирли, еще сохраняет на сегодняшний день многие черты прошлого — узкие и кривые улицы, малогабаритную и нерасчлененную жилую площадь, соединенную подчас в единый блок с хозяйственными помещениями, и т. д. Однако в результате проведенного в последние годы укрупнения колхозов и возросшего благосостояния колхозников облик нахичеванских селений начинает постепенно меняться. Наиболее интенсивно этот процесс протекает в деревнях, расположенных на приараксинской равнине. Тем не менее в некоторых современных нахичеванских селениях еще много неразрешенных вопросов, требующих безотлагательного внимания со стороны советских и партийных органов и райкомов и республики в целом. М. Н. Насирли на некоторые из них указывает: 1) пример, на необходимость перепланировки старых селений, упорядочения индивидуального крестьянского строительства, в частности — более широкого внедрения типовых архитектурных проектов, и т. п. Этот упор на современность, стремление практически советом помочь решению задач сегодняшнего дня вместе с богатым фактическим материалом, собранным автором, составляют главное достоинство рассматриваемой книги.

Вместе с тем, работа М. Н. Насирли не свободна от некоторых существенных недостатков, в значительной степени снижающих ее научную и познавательную ценность. Так, в ней совершенно обойден вопрос о роли и влиянии различных этнических элементов в сложении народного жилища края. Во введении и в первой главе (стр. 5) автор много говорит о факторах, оказывающих воздействие на формирование народного жилища; в их число он включает климат, рельеф, особенности хозяйственной жизни населения, под которыми, очевидно, следует понимать уровень социально-экономического развития, но ни разу не упоминает о культурных и этнических связях населения Нахичевани с соседними народами. Нельзя сказать, чтобы автор отрицал или недооценивал сложность этногенеза азербайджанцев Нахичевани. Наоборот, он неоднократно указывает, что на данной территории в различные исторические времена осели многочисленные пришлые племена и народы — ассирийцы, скифы, мидийцы, болгары, а после присоединения края к России — армяне¹ и русские. Однако все это излагается не в связи с развитием жилища, а в связи с вопросом о заселении местности и отчасти с историей отдельных населенных пунктов. Действительно, что может сказать автор о влиянии на народную архитектуру, оказанном теми же ассирийцами, скифами и мидийцами, само пребывание которых на данной территории представляется еще весьма проблематичным? Гораздо важнее было бы сосредоточить внимание на выяснении роли ближайших соседей азербайджанцев — армян, доля участия которых в этнической истории и формировании материальной культуры края гораздо значительнее, чем роль всех других перечисленных народов, вместе взятых. Понять и отобразить процесс сложения и развития нахичеванского народного жилища без учета самых тесных культурных и исторических связей, существовавших на протяжении многих столетий между народами Нахичевани и соседней Армении, на наш взгляд, представляется совершенно невозможным.

В работе М. Н. Насирли неверно трактуется вопрос о происхождении крестьянского двора и усадьбы как следствия «проникновения в село чужеродных племен» и смешения их с аборигенами края, что, по мнению автора, «привело к изменению структуры

¹ Утверждение автора (стр. 34 и др.) относительно появления армян в крае после присоединения последнего к России не соответствует действительности. Армянское население на территории Нахичевани известно с древнейших времен; несколько ниже сам М. Н. Насирли отмечает, что «еще до присоединения Нахичеванского ханства к Российской империи некоторые села ханства объединяли в своих пределах разноязычные народности: армян, азербайджанцев и т. д. Например, в с. Тумбуз, состоявшем из 14 дворов, 7 дворов были азербайджанскими и 7 армянскими; в с. Ярымджа — соответственно 8 и 14 дворов; в с. Шихмахмуд — 7 из 33, в с. Бадамлы — 10 из 15, в с. Нурс — 7 из 23, в с. Ашагы Адамы — 8 из 14 и т. д.» (стр. 36). Однако из этой фразы понять, где идет речь об армянах, а где — об азербайджанцах — невозможно.

поселений: каждая крестьянская семья стала ограждать свой двор от соседей, как от чужих» (стр. 35). Это — надуманное объяснение, не имеющее ничего общего с действительностью. Возникновение обособленной сельской усадьбы — результат появления частной собственности на орудия и средства производства и зарождения новых социально-экономических отношений, пришедших на смену коллективной собственности и прежним родовым порядкам; инфильтрация «чужеродных племен» здесь ни при чем.

Ненаучно объясняет автор и происхождение узких улиц в нахичеванских селениях, особенно в горных, считая, что главными причинами в этом случае явились «патриархально-родовые отношения, ограничивавшие права землепользования в общине, без разрешения которой никто не мог самостоятельно предпринимать какие-либо действия для благоустройства улицы», а также применение «несовершенных видов транспорта» (стр. 50). Как известно, узкие улицы сел — обычное явление для периода средневековья, результат прежде всего крестьянского малоземелья, типичного для феодального строя и наиболее остро ощущавшегося именно в горных районах.

Не соответствует также действительности и утверждение автора, что «наиболее распространенным в Нахичеванской АССР типом жилых домов является карадам с эйваном» (стр. 94). Даже в конце прошлого столетия для края, особенно для его низменных районов, в которых проживала большая часть населения, основным видом жилища был однокомнатный турлучный дом с плоской земляной кровлей, что подтверждается как сохранившимся старым жилым фондом республики, так и письменными источниками, в частности некоторыми из тех, на которые ссылается сам М. Н. Насирли. Не следует также забывать, что карадам — это жилище большой патриархальной (а в древности материнской) семьи, которая в Нахичевани, как и в большинстве других районов Азербайджана, в XIX в. доживала свои последние дни.

Серьезные возражения вызывает резкая диспропорция отдельных частей работы и неодинаковая ценность представленного в ней материала. Так, если описанию поселений в книге отведена целая глава, жилищу — восемь обширных разделов (стр. 70—115), то хозяйственным, общественным, ремесленно-производственным постройкам и сооружением, вместе взятым, уделено всего 15 страниц. При этом, например, каждый из таких разделов, как «Хозяйственно-бытовые постройки», «Культурно-бытовые постройки», «Культурно-просветительные постройки» и «Ремесленно-производственные постройки», составляет от пяти до пятнадцати общих фраз. В то же время в книге много излишних сведений из области истории и географии, которыми, помимо специальной первой главы, заполнены первые страницы и двух последующих глав, в результате чего встречаются повторения. Так, в книге трижды (стр. 14, 31, 49) говорится о поселении мидийцев на территории края, два раза (в историческом очерке и в начале главы о поселениях) — о первоначальных этапах (палеолите, неолите и т. п.) его этнической истории. Особенно подробно излагаются вопросы землевладения, землепользования и социальных отношений в нахичеванской деревне в период существования самостоятельного феодального ханства и в XIX в. (стр. 37—44), что, по сути дела, не имеет прямого отношения к основной теме работы. Много в книге также общеизвестных истин и общих рассуждений вроде того, что «жилище необходимо человеку для отдыха, ночлега; здесь он укрывается от жары, холода, хранит в нем имущество, продукты и т. д.» (стр. 70).

Чтение рецензируемой книги затрудняется также из-за большого числа искажений имен. Например, персидский царь Кир назван Кирсом (стр. 14), немецкий историк-искусствовед Диз — Диром (стр. 17, прим. 2). В работе встречаются плохо отредактированные фразы. Так, на стр. 48 (в примечании) читаем: «Многоводная река Аракс, протекающая вдоль всей южной границы республики с Персией и Турцией, вследствие низкого расположения по сравнению с территорией мелиоративной техники, не могла способствовать развитию сельского хозяйства края» и т. п.

Тем не менее в целом работа М. Н. Насирли по содержащемуся в ней фактическому материалу заслуживает внимания со стороны тех, кто интересуется этнографией Азербайджана.

В. Кобычев

М. А. Бикжанова. *Семья в колхозах Узбекистана. На материалах колхозов Наманганской области*. Ташкент, 1959, 136 стр.

Глубокое, всестороннее изучение жизни народа, в частности семьи и семейного быта, имеет не только большое теоретическое, но и огромное практическое значение.

Стоящая перед советским народом задача построения коммунизма вызывает необходимость создания подлинно передовой семьи и решительной борьбы с феодальными и капиталистическими пережитками в семейно-брачных отношениях и семейном быту. Поэтому исследование истории семьи, как справедливо отмечает автор во введении к своей книге, «является одной из важных проблем изучения жизни народных масс страны Советов, осуществляющих под руководством Коммунистической партии переход от социализма к коммунизму» (стр. 6). Исходя из этой мысли, основной своей